

Д. О. Серов*

ЗАРОЖДЕНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА РОССИИ (Из истории судебной реформы Петра I)

ОДНИМ ИЗ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ сюжетов истории государства и права любой страны является вопрос о складывании судейского корпуса – круга должностных лиц, занимающихся отправлением правосудия на профессиональной основе. При этом вести речь о судейском корпусе представляется допустимым лишь с того момента, когда в структуре государственного аппарата образуется система судебных органов, структурно и функционально обособленных от органов управления. Поскольку в нашей стране, как известно, таковая система судебных органов впервые возникла в ходе судебной реформы Петра I, то временем зарождения судейского корпуса России следует признать конец 1710-х гг.

Соответственно, в означенный период в состав отечественного судейского корпуса вошли лица, занявшие судебные должности в системе учрежденных в 1717–1719 гг. судов общей юрисдикции (системы отделенных от административных органов судов специальной юрисдикции в ту пору в России создано не было). Тем самым, к числу первых профессиональных российских судей следует отнести: президента, вице-президента, советников и ассессоров Юстиц-коллегии, президентов, вице-президентов и ассессоров надворных судов (гофгерихтов), оберландрихтеров и ассессоров провинциальных судов, а также судей городских судов.

Между тем, несмотря на то, что суды общей юрисдикции успели занять видное место в реформированном государственном аппарате России конца 1710-х – первой половины 1720-х гг., а профессиональные судьи – видное место в бюрократии того времени, вопрос о судейском корпусе Петра I поныне не привлекал внимания исследователей. До настоящего времени не предпринималось ни попыток рассмотреть нормативное регулирование статуса судьи в петровское время, ни попыток рассмотреть особенности кадрового укомплектования тогдашнего судейского корпуса¹. Отмеченные историографические пробелы и призвана (хотя бы отчасти) восполнить настоящая статья.

Для начала нельзя не отметить, что именно в ходе петровских судебных преобразований термин «судья» стал использоваться в современном значении. Как известно, в XVI – начале XVIII в. названный термин применялся в бюрократическом обиходе исключительно для обозначения руководителей приказов. Насколько можно понять, в законодательстве первой четверти XVIII в. термин «судья» был впервые использован в новом значении в ст. 6 гл. 1-й «Краткого изображения процессов...» 1712 г. и в ст. 2 закона от 19 декабря 1718 г. об укреплении

---

* Серов Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых наук Новосибирского государственного университета экономики и управления.

¹ На вопросе о кадровом обеспечении судов общей юрисдикции конца 1710-х – начала 1720-х гг. кратко остановилась Л. Ф. Писарькова в монографии 2007 г. (*Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 161–166*). Однако персональный состав данных судов Л. Ф. Писарькова охарактеризовала совершенно поверхностно, несистематически и без привлечения архивных материалов.

нии инстанционности в судопроизводстве². Примечательно, что и сам Петр I, и Сенат и после 1718 г., случалось, использовали термин «судья» в архаическом смысле – для обозначения любых высших должностных лиц³.

Переходя к вопросу о статусе судьи в петровское время, имеет смысл, прежде всего, отметить то обстоятельство, что в 1717–1725 гг. ни законодатель, ни ведомственный нормотворец не издали какого-либо особого акта, в котором бы регулировался таковой статус. В итоге, статус судьи оказался закреплен – причем, весьма фрагментарно – лишь в нескольких не увязанных друг с другом законодательных актах 1719–1722 гг. Здесь, прежде всего, необходимо вспомнить о «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» от 24 января 1722 г.

Согласно названному закону, лица, занимавшие судебные должности в новоявленных судах общей юрисдикции, получили относительно высокий (для гражданской службы) чиновный статус. Так, должность президента Юстиц-коллегии была (в числе прочих коллежских президентов) помещена в IV класс Табели о рангах, что соответствовало генерал-майору в армии. Должность президента надворного суда оказалась в VI классе Табели (что было тождественно армейскому полковнику), должность вице-президента надворного суда – в VII классе. Обер-ландрихтер столичного провинциального суда попал по должности в VIII класс Табели о рангах, а ассессор гофгерихта – в IX-й⁴.

Что касается порядка назначения судей в судебные органы общей юрисдикции, то таковой порядок при жизни Петра I лишь отчасти регламентировался в законе. В утвержденном 8 января 1719 г. Дополнении к закону «Должность Сената» редакции 1718 г. за правительствующим Сенатом закреплялись полномочия по определению на должность членов присутствия коллегий (кроме президента), секретарей коллегий, президентов надворных судов и обер-ландрихтеров. В свою очередь, согласно гл. 11 Генерального регламента от 13 февраля 1720 г., к ведению Сената было отнесено право назначать советников, ассессоров, секретарей и нотариусов коллегий, а также право представлять верховной власти кандидатов на посты вице-президентов коллегий⁵.

Как явствует из архивных материалов, в петровское время охарактеризованный порядок назначений реализовывался на практике не всегда в полном соответствии с законом. Правда, что касается присутствия Юстиц-коллегии, то его комплектование осуществлялось в 1719–1725 гг. строго по охарактеризованному Дополнению к закону «Должность Сената» 1719 г. и Генеральному регламенту 1720 г. Президента Юстиц-коллегии определял на должность монарх (вице-президент в 1719–1725 гг. не назначался), а советников и ассессоров коллегии –

² Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 825; Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. М.;Л., 1945. Т. 1. С. 378.

³ См., например, высочайшую резолюцию от 9 декабря 1723 г. на реестре дел Вышнего суда: «Все дела мелкие, которые не касаются до судей...» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 36 об.). Сходным образом, в сенатском указе от мая 1724 г. назначавшийся глава административного органа – Соляной конторы – был по старинке наименован «судией» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1927. Л. 85).

⁴ Законодательство Петра I. С. 393–395. Некоторые подробности об уточнении статуса судебных должностей в ходе разработки проекта Табели о рангах см.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 85, 89.

⁵ Законодательные акты Петра I. С. 291, 490.

правительствующий Сенат. Кандидатуры на должности советников и ассессоров представлялись в Сенат президентом Юстиц-коллегии.

А вот в надворные суды Сенат назначал не только президентов, но и вице-президентов и даже ассессоров. По сведениям, собранным автором, в 1719–1725 гг. правительствующий Сенат назначил в гофгерихты семь президентов, десять вице-президентов и 66 ассессоров. При этом, в прямое отступление от закона, комплектованием судебных присутствий надворных судов занималась и верховная власть (правда, коснулось это лишь судов Москвы и Санкт-Петербурга).

К настоящему времени удалось установить четыре эпизода, когда в описываемый период судьи Санкт-Петербургского и Московского гофгерихтов определялись монархом. Именными указами были назначены: первый состав судебного присутствия Московского надворного суда (8 апреля 1719 г.), вице-президент Санкт-Петербургского надворного суда (25 мая 1725 г.), президент Московского гофгерихта (17 июня 1725 г.) и один из ассессоров (!) опять-таки Московского гофгерихта (31 июля 1725 г.)⁶.

Кроме того, правительствующий Сенат назначал не только обер-ландрихтеров, но и ассессоров провинциальных судов. Наряду с этим, в соответствии с законом, Сенат определял в Юстиц-коллегию, надворные и провинциальные суды старших канцелярских служащих – дьяков⁷, секретарей, нотариусов и актуариусов. В свою очередь, Юстиц-коллегия назначала, во-первых, городских судей⁸, а, во-вторых, младших служащих в собственную канцелярию. Наконец, необходимо отметить, что ни каких-либо сроков пребывания в должности, ни каких-либо квалификационных требований для судей реформированных органов правосудия ни тогдашний законодатель, ни тогдашний ведомственный нормотворец так и не установили.

Достоин упоминания, правда, что квалификационные требования к судьям – впрочем, не вполне четкие – попытались сформулировать составители проекта Уложения Российского государства 1723–1726 гг. В этом отношении необходимо отметить законодательные предположения, внесенные в ст. 1 и 3 гл. 4-й кн. 1 проекта. Согласно ст. 1 (прямолинейно озаглавленной «Каковы должны быть судьи»), на судебские должности предлагалось определять лиц «богобоязненных, благоумных и искусных». В ст. 3 – «Судья в Уложение должен быть искусен» – сообразно заглавию, от судьи предполагалось требовать досконального знания действующего свода законов («надлежит судье Уложение, по которому судить имеет, твердо знать»)⁹.

Не были прописаны в законодательстве Петра I и основания ни для удаления судьи в отставку, ни для прекращения его полномочий. Согласно архивным источникам, основанием для отставки судьи в первой четверти XVIII в. являлось его собственное желание, обусловленное либо достижением им преклонного

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 521. Л. 69–69 об.; Кн. 1942. Л. 121; Кн. 1945. Л. 8; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 88.

⁷ По данным автора, последнее назначение дьяка в реформированный орган правосудия имело место в августе 1720 г., когда канцелярист Юстиц-коллегии Ф. С. Домашнев был произведен в дьяки в Санкт-Петербургский надворный суд (РГАДА. Ф. 248. Кн. 649. Л. 482).

⁸ Особый порядок определения городских судей был предусмотрен лишь для Сибири. Согласно распоряжения Юстиц-коллегии от 27 февраля 1721 г., в Сибирской губернии право назначения городских судей передавалось губернатору (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 21596. Л. 107–107 об; копия документа предоставлена Е. В. Бородиной).

⁹ РГАДА. Ф. 342. Кн. 33. Ч. 1. Л. 51–51 об.

возраста, либо невозможностью исполнять служебные обязанности по состоянию здоровья (что должно было подтверждаться «дохтурским осмотром» – медицинским заключением). В иных случаях отставка по собственному желанию в петровское время не практиковалась.

Увольнение (удаление в отставку) судей надворных и провинциальных судов производил Сенат по представлению Юстиц-коллегии, городских судей – сама Юстиц-коллегия. К примеру, сенатским указом от 23 сентября 1723 г., был «за параличною болезнью» уволен в отставку один из ассессоров Смоленского гофгерихта, сенатским же указом от 23 августа 1725 г., «за старостью» – вице-президент Ярославского надворного суда¹⁰.

Основаниями для прекращения полномочий судьи в описываемый период являлись либо его несоответствие занимаемой должности, либо вынесение ему обвинительного приговора. Так, по причине ненадлежащего исполнения служебных обязанностей, именными указами от 24 апреля 1722 г. и от 17 июня 1725 г., были отстранены от должностей вице-президенты Московского гофгерихта, а, распоряжением Юстиц-коллегии от 8 января 1722 г. – муромский городской судья¹¹. Вследствие осуждения судом в 1724 г. лишился должности ассессор Московского надворного суда М. В. Желябужский.

Наконец, достойно внимания, что в петровское время остался законодательно неурегулированным вопрос о подсудности лиц судейского корпуса. На практике же данный вопрос разрешался вариативно. На протяжении 1719–1725 гг. судьи надворных и «нижних» судов оказывались под судом то гофгерихтов, то Юстиц-коллегии, то правительствующего Сената (или его Московской конторы), то Вышнего суда (за исключением дел по государственным преступлениям, суд по каковым производили исключительно Преображенский приказ и Тайная канцелярия¹²).

Скажем, инициированное фискальской службой дело по обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями тамбовского городского судьи Л. С. Колобова Юстиц-коллегия 25 июля 1721 г. предписала рассмотреть Московскому надворному суду¹³. По-иному Петр I поступил с обвиненным в превышении должностных полномочий судьей Вязниковской слободы Опряниным. Согласно именного указа от 19 ноября 1721 г., досудебное рассмотрение дела Опрянина надлежало осуществить Юстиц-коллегии, а судебное разбирательство – Сенату. А вот дела по обвинению во взяточничестве курмышского и алаторского городских судей Ф. Секерина и Мещерского были, сенатским указом от 6 июня 1722 г., направлены в судебное производство Юстиц-коллегии¹⁴.

Получившее особый общественный резонанс дело по обвинению ассессора Московского надворного суда М. В. Желябужского в подлоге завещания вдовы А. Поливановой рассматривалось первоначально Юстиц-коллегией, а в 1723 г. было передано в Вышний суд (который 15 января 1724 г. приговорил М. В. Же-

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1918. Л. 63; Кн. 1945. Л. 148.

¹¹ Там же. Кн. 1888. Л. 277 об.; Ф. 282. Оп. 1. Кн. 21595. Л. 24 об.; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 88.

¹² Между прочим, оказавшийся в 1723 г. в Преображенском приказе в качестве изветчика, а затем обвиняемого городской судья Тары Л. Верещагин сумел не только совершить побег из-под стражи, но затем и бесследно скрыться (*Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 35–36).

¹³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. № 2596. Л. 14–14 об.

¹⁴ Там же. Кн. 1887. Л. 390–390 об.; Кн. 1889. Л. 248.

лябужского к телесному наказанию и конфискации имущества)¹⁵. Сходным образом под суд Юстиц-коллегии, а затем Вышнего суда попал обер-ландрихтер Новгородского провинциального суда И. И. Мякинин, обвинявшийся в преступлениях против интересов службы¹⁶.

Попытка установить единый порядок подсудности лиц, занимавших судебные должности, была предпринята опять-таки в ходе разработки проекта Уложения Российского государства 1723–1726 гг. В утвержденную Уложенной комиссией 4 октября 1723 г. ст. 45 гл. 2-й кн. 1 проекта кодификаторы внесли следующее законодательное предположение: «...Президентов же, вице-президентов надворных судов и тому подобных судить в тех судах, которому они подчинены»¹⁷. Другими словами, предлагалось закрепить подсудность судьи вышестоящему суду. Впрочем, из-за неутверждения проекта такому порядку не суждено было претвориться в жизнь.

Остается добавить, что в те же годы предприниматель и прожектор И. Т. Посошков предложил ужесточить ответственность судей за преступления против интересов службы и против правосудия. В трактате 1724 г. «Книга о скудости и богатстве» Иван Посошков рассуждал, в частности, о том, что «еще судей малых и великих не казнить и великими штрафы их не штрафовать, то и... правды и праваго суда уставить будет невозможно». Попутно Иван Тихонович высказался и за проведение решительной чистки судейского корпуса: «А еще ради установления правды правителей судебных и много падет [будет казнено], быть уже так. А без урону, я не чаю, установится правде... и правому суду уставится, аще сто, другое судей не падет, понеже у нас на Руси неправда велми застарела»¹⁸.

Что же за люди вошли в первый состав судейского корпуса России? Должность президента Юстиц-коллегии в первой четверти XVIII в. занимали три человека. Один из архитекторов судебной реформы первый президент коллегии А. А. Матвеев был 29 апреля 1722 г. сменил бывшим казанским губернатором 63-летним графом П. М. Апраксиным. В свою очередь, согласно именного указа от 10 мая 1725 г., президентом Юстиц-коллегии стал прежний советник коллегии 50-летний И. П. Толстой, старший сын знаменитого сподвижника Петра I П. А. Толстого¹⁹. Должность вице-президента Юстиц-коллегии с 15 декабря 1717 г. занимал бывший шведский судья Герман Бреверн, пробывший на ней до самой кончины, последовавшей 3 июля 1721 г.²⁰ (с 1721 по 1726 г. означенная должность оставалась вакантной).

¹⁵ Там же. Кн. 273. Л. 718–718 об.; Ф. 282. Оп. 1. Кн. 21643. Л. 275 об.–277 об.

¹⁶ Там же. Кн. 1939. Л. 5; Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5951. № 104. Л. 4 об. Это был, кстати, тот самый Иван Мякинин, о котором не раз соприкасавшийся с ним И. Т. Посошков писал, что «он, Мякинин, любил денги, а даром он никому ничего не делал» (*Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве*. М., 1937. С. 191).

¹⁷ РГАДА. Ф. 342. Кн. 33. Ч. 1. Л. 13 об.

¹⁸ *Посошков И. Т. Указ. соч.* С. 170. Приведенные размышления И. Т. Посошкова остались, как ни странно, вне поля внимания А. Б. Зайченко, специально осветившего в статье 1980 г. судостроительные предложения автора «Книги о скудости и богатстве» (*Зайченко А. Б. Политические и правовые взгляды И. Т. Посошкова // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии*. М., 1980. С. 242).

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1942. Л. 68; Ф. 1451. Кн. 13. Л. 362. Новейшую сводку биографических сведений об А. А. Матвееве и П. М. Апраксине см.: *Серов Д. О. Администрация Петра I*. М., 2007. С. 23–24, 56.

²⁰ Наиболее подробное изложение обстоятельств биографии Г. Бреверна см. в фундаментальном генеалогическом исследовании о роде Бревернов 1878 г. (*Brevern G. Zur Geschichte der Familie von Brevern*. Berlin, 1878. Bd. 1. S. 23–58).

На должностях советников и ассессоров в Юстиц-коллегии в 1718–1724 гг., по данным автора, перебивало 22 человека, четверо из которых (два советника и два ассессора) являлись иностранцами. Следует отметить, что А. А. Матвеев – в бытность президентом – целенаправленно стремился укомплектовать судейский штат коллегии лицами, имевшими, с одной стороны, достойную репутацию, а с другой – хоть какой-то опыт работы в сфере юстиции. Выдержать подобную линию кадровой политики было весьма и весьма затруднительно.

Как справедливо заметил еще М. М. Богословский, на исходе 1710-х гг. спрос на служилых людей превысил предложение, в результате чего «приходилось пускать в дело служилый персонал далеко не первой физической свежести и сомнительной нравственной чистоты... В числе этого персонала, отпущенного из Разрядного стола в Юстиц-коллегию были дряхлые и больные старики, лица, находившиеся под следствием в преступлениях по должности и, наконец, кандидаты, которые оказались “хотя и добрыми людьми”, но с одним недостатком – не умеющими грамоте»²¹. Например, 21 марта 1719 г. Сенат назначил советником Юстиц-коллегии бывшего тверского ландрата Я. И. Кольцова-Масальского, который, как вскоре выяснилось, с 1717 г. состоял под судом по выдвинутым фискальской службой обвинениям во взяточничестве, хищении государственного имущества и в укрывательстве подозреваемых в убийстве²².

Впрочем, случалось, кадровая служба Сената (функции каковой до 1722 г. выполнял Разрядный стол сенатской канцелярии, а с 1722 г. – Герольдмейстерская контора) спохватывалась и останавливала назначение сомнительного лица. Так, на заседании Сената 15 июня 1722 г. герольдмейстер И. Н. Плещеев представил данные, что только что определенный ассессором в Смоленский гофгерихт Д. В. Полонский имеет судимость («был в публичном наказании»). В итоге, Сенат отменил назначение Д. В. Полонского, определив на его место в Смоленский надворный суд Г. А. Шатилова²³.

По причине острой нехватки квалифицированных кадров целое бюрократическое сражение развернулось в 1718–1719 гг. вокруг определения в Юстиц-коллегию опытного следственного работника стольника П. Б. Вельяминова. Для начала, сенатским указом от 19 мая 1718 г., П. Б. Вельяминов был, по представлению А. А. Матвеева, назначен в первый состав советников Юстиц-коллегии. Однако, по настоянию бывшего начальника Петра Вельяминова главы следственной канцелярии полковника И. Н. Плещеева, стольник вместо того, чтобы направиться в Санкт-Петербург к новому месту службы, остался в Москве, продолжая исполнять прежние обязанности и специальные поручения. Попытки А. А. Матвеева вытребовать П. Б. Вельяминова в столицу успехом не увенчались.

Далее события приняли новый оборот. 11 января 1719 г. генерал-майор И. И. Дмитриев-Мамонов добился у Петра I указа об определении П. Б. Вельяминова в следственную канцелярию своего ведения. Но А. А. Матвеев и тогда не отступился от намерения заполучить Петра Вельяминова в Юстиц-коллегию.

В письме И. И. Дмитриеву-Мамонову от 25 февраля 1719 г. Андрей Матвеев подчеркнул, что «ныне в Коллегии юстиции в советниках самая настоит необходимая нужда, и... за оскудением заобычайных [компетентных] людей чинится

²¹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 177.

²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1882. Л. 88; Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия. Учеб. пособие. Новосибирск, 2003. С. 176–177.

²³ Там же. Кн. 1888. Л. 353.

всемерная всем делам остановка». Описания кадровых бедствий Юстиц-коллегии никак не тронули, впрочем, Ивана Дмитриева-Мамонова, и он отказался отпустить П. Б. Вельяминова. Не помогло и последовавшее 14 марта 1719 г. обращение президента Юстиц-коллегии к самому царю. В итоге, А. А. Матвеев оказался вынужден смириться с потерей для коллегии «заобычайного» к делам юстиции стольника²⁴.

Как бы то ни было, усилия А. А. Матвеева и его преемника П. М. Апраксина укомплектовать штат присутствия коллегии сведущими в «судных и розыскных делах» чиновниками не остались бесплодными. Как удалось установить, из 22 советников и ассессоров Юстиц-коллегии петровского времени, по меньшей мере, шестеро имели опыт предшествующей судебной деятельности.

Так, определенный 8 декабря 1724 г. советником Юстиц-коллегии капитан М. К. Креницын успел несколько лет перед этим поработать ассессором в Нижнем воинском суде и в Санкт-Петербургском гофгерихте. Ставший 5 февраля 1719 г. советником коллегии уроженец Нарвы Сигизмунд Вольф состоял прежде ассессором в Дерптском ландгерихте²⁵. Наконец, нельзя не упомянуть, что А. А. Матвееву удалось добиться последовавшего 26 сентября 1720 г. назначения ассессором Юстиц-коллегии дипломированного юриста, выпускника Иенского университета, бывшего ревельского адвоката Эрнста Кромпейна²⁶, сыгравшего впоследствии ключевую роль в разработке уголовно-процессуального раздела проекта Уложения 1723–1726 гг.

Что касается судебных присутствий гофгерихтов, то при их формировании отчетливо проступили две тенденции. Первая из них заключалась в том, что президентами надворных судов в ряде случаев определялись главы губернских администраций. Важнейшим здесь следует признать сенатский указ от 7 августа 1722 г., согласно которому президентами соответствующих гофгерихтов назначались воронежский, казанский и сибирский губернаторы, а также нижегородский и смоленский вице-губернаторы²⁷. Подобная кадровая ситуация абсолютно не соответствовала всячески насаждавшимся самим же Петром I шведским образцам, означая смыкание – в форме своего рода личной унии – органов правосудия с органами управления.

Вместе с тем, как очевидно из архивных источников, данная кадровая тенденция отнюдь не стала господствующей (как полагали Ф. М. Дмитриев, М. М. Богословский и К. Петерсон²⁸). В самом деле, не занимали никаких параллельных должностей руководители Московского (с 1722 г.), Санкт-Петербургского, Енисейского, Курского и Ярославского надворных судов. В общей сложности, по све-

²⁴ Там же. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 21, 26–27.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1882. Л. 39, 88; Кн. 1886. Л. 173–173 об., 196 об.; Кн. 1889. Л. 203; Кн. 1934. Л. 101; Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. С. 165, 175.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 229. Касательно обстоятельств биографии Э. Кромпейна см.: Osteuropa-Institut Regensburg Eric-Amburger-Datebank: Ausländer im vorrevolutionären Russland, Ernst Friedrich Krompein, OID: 71790: <http://88.217.240.33/amburger> (за предоставление этого материала выражаю всемерную признательность А. А. Гнесю).

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 525–526.

²⁸ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 447; Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. С. 188; Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 331.

дениям автора, из 23 президентов и вице-президентов гофгерихтов 1719–1727 гг.²⁹ совмещали административные должности с судебными только семь человек (30 % от численности).

Вторая кадровая тенденция, касавшаяся надворных судов, состояла в широкомасштабном комплектовании их судебных присутствий бывшими военными служащими. Из 96 установленных к настоящему времени лиц, занимавших в 1719–1727 гг. судебные должности в гофгерихтах³⁰, воинские звания имели, по меньшей мере, 45 человек (47 %). Остальные судьи рекрутировались, главным образом, из незнатных дворян, работавших прежде в гражданском управлении. Наиболее «милитаризованными» по составу присутствий, в итоге, явились Енисейский, Нижегородский, Смоленский и Тобольский надворные суды, а наименее – Казанский и Санкт-Петербургский.

Нельзя не констатировать, что активное привлечение отставных военными служащих заведомо не обеспечивало подобающий квалификационный уровень судебного персонала. По верному замечанию М. М. Богословского, «роль подготовленных юристов, из которых формировался состав шведских судов, в России предназначены были играть все те же капитаны, майоры и подполковники, которые, получивши начальное образование под руководством сельского пономаря и завершая его в пехотных и драгунских полках, считались специалистами решительно по всем сферам государственного управления»³¹. Да и сам законодатель первой четверти XVIII в. обосновал (в ст. 7 гл. 1-й «Краткого изображения процессов...» 1712 г.) необходимость участия в военном судопроизводстве аудиторов тем обстоятельством, что судьями в военных судах являются офицеры, «от которых особливаго искусства в правах требовать не мочно, ибо они время свое обучением воинского искусства, а не юридического провождают»³².

Для полноты картины стоит заметить, что отдельные судьи гофгерихтов из числа вчерашних офицеров обладали немалым опытом в практической юриспруденции. В первую очередь, здесь следует назвать асессора Московского надворного суда полковника И. Н. Плещеева, возглавлявшего с 1715 г. по 1719 г. особую следственную канцелярию, а также президента Смоленского гофгерихта полковника А. И. Панина, в 1717–1719 гг. асессора следственной канцелярии ведения С. А. Салтыкова. Назначенный же 20 июля 1722 г. вице-президентом Курского надворного суда ветеран еще крымских походов 64-летний отставной подполковник И. С. Батурин успел в 1718–1721 гг. поработать городовым судьей в Мещовске³³.

Однако наиболее искушенные знатоки тогдашнего законодательства – представители приказного аппарата, оказались почти не востребованы при комплектовании судебных присутствий гофгерихтов. Автору довелось установить всего два случая, когда выходцы из приказной среды попали в ряды судей надворных судов (составив 2 % их численности). Бывший обер-ландрихтер Московского провинциального суда (а до того дьяк) И. П. Топильский был 20 июня 1722 г. определен асессором Московского гофгерихта, а бывший обер-ланрихтер Воронежского провинциального суда (и аналогично бывший дьяк) И. Д. Свешников

²⁹ Хронологию назначений президентов и вице-президентов надворных судов за 1719 – январь 1725 гг. см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 267.

³⁰ В приведенных подсчетах не учтены данные по Рижскому гофгерихту, сведений о персональном составе асессоров которого за описываемый период выявить не удалось.

³¹ *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. С. 291.

³² Законодательство Петра I. С. 825.

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 454 об.; Кн. 8104. Л. 97–97 об.

получил 21 сентября 1722 г. назначение ассессором в Воронежский надворный суд³⁴.

Что касается судейского состава «нижних» судов, то в полной мере систематических данных на этот счет на сегодня собрать не удалось. В связи с комплектованием провинциальных и городских судов следует отметить сенатский указ от 19 марта 1719 г., по которому в подчинение Юстиц-коллегии передавались состоявшие до того в штатах губернских канцелярий ландрихтеры. Названный сенатский указ был подтвержден именным указом от 17 апреля 1719 г.³⁵. Согласно архивным источникам, почти все ландрихтеры получили затем назначения в провинциальные и городские суды.

Ряд ландрихтеров, превратившись в обер-ландрихтеров, возглавили провинциальные суды (Ф. С. Мануков – Санкт-Петербургский³⁶, С. Нестеров – Симбирский, И. Г. Григорьев – Ярославский). Часть ландрихтеров Юстиц-коллегия определила городскими судьями (например, И. А. Хрипунова в Архангельск, Г. Е. Фирсова в Устюг, Р. И. Мельгунова в Выборг). В итоге, во главе большинства провинциальных судов оказались вчерашние ландрихтеры, почти все из которых являлись выходцами из приказной бюрократии. В свою очередь, ассессорский состав провинциальных судов комплектовался главным образом дворянами из числа местных помещиков.

В отношении корпуса городских судей нельзя не отметить, что значительную прослойку в нем (как и в судебных присутствиях гофгерихтов) составляли вчерашние офицеры. Так, по данным (правда, не вполне репрезентативным) генерального смотра дворян 1722 г., из 26 явившихся на него городских судей 17 были в недавнем прошлом военными³⁷. Подобная кадровая ситуация сложилась неслучайно. Как явствует из наказа владимирскому судье Ф. В. Тяпкину от 28 января 1721 г., при назначении на должность городского судьи лица, находившиеся прежде в «полевой и гварнизонной службе», имели преимущество перед выходцами из гражданской администрации³⁸.

Остается добавить, что, по материалам отмеченного генерального смотра 1722 г., средний возраст городских судей составил 51 год. Самым молодым из числа учтенных на смотре оказался 32-летний белгородский судья майор С. А. Келин, самым пожилым – 69-летний каргопольский судья стольник В. Б. Засецкий. Таким образом формировался и таковой персональный облик приобрел судейский корпус России, зародившийся в ходе проведения судебной реформы Петра I.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 319 об., 652 об.

³⁵ Там же. Кн. 521. Л. 78; ПСЗ. Т. 5. С. 684, 693.

³⁶ Специально затронувший вопрос о главе Санкт-Петербургского провинциального суда М. М. Богословский посчитал, что предполагавшееся в 1721 г. назначение на этот пост Ф. С. Манукова так и не состоялось (*Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. С. 204). В действительности, Федосей Мануков был определен на должность обер-ландрихтера Санкт-Петербургского провинциального суда сенатским указом от 18 апреля 1721 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1887. Л. 140). О последующей работе Федосея Семеновича в столичном провинциальном суде свидетельствуют многие архивные источники, как например, Записная книга приговоров и решений суда за май–декабрь 1721 г. (см.: РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 1565).

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 286. Кн. 32; Список военным чинам первой половины XVIII столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 636–811.

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 8104. Ч. 2. Л. 464.